

Проблемы иностранного военного плена в новейшей отечественной историографии

Вплоть до конца XX в. продиктованная политико-идеологическими императивами установка на стерилизацию прошлого страны превратила военный плен в маргинальную тему, имевшую негативную маркировку в общественном сознании и надолго исключенную из поля зрения профессиональных историков. Лишь прошедшее двадцатилетие, ставшее временем открытия целого ряда ранее “заповедных” страниц отечественной истории, реабилитировало и актуализировало эту проблематику.

На волне интереса к сталинизму, породившему разнообразные категории так называемого спецконтингента, едва ли неожиданным стало обращение исследователей к судьбам иностранных военнопленных Второй мировой войны¹. Стадиально передовыми работами по истории советского плена были сразу ставшие классическими публикации военного юриста В.П. Галицкого². Можно сказать, что они задали тон и определили вектор дальнейшего научного поиска. В обширном потоке изданной за последние годы литературы также сразу обозначилась тенденция на аккумуляцию, с одной стороны, исследований, связанных с пребыванием в СССР бывших военнослужащих европейских армий³, с другой — работ, посвященных истории военнопленных Квантунской армии⁴. В таком этнополитическом контексте узники УПВИ/ГУПВИ НКВД/МВД СССР позиционируются как социальная единица, лишенная гомогенности и имеющая сложную внутреннюю структуру. Вместе с тем, в той и другой группе работ обозначились одни и те же приоритетные направления в изучении темы советского плена. Взятый на вооружение основной массой исследователей проблемно-панорамный принцип или принцип сквозного рассмотрения относительно самостоятельных сюжетов жизнедеятельности военнослужащих противника на территории СССР предопределил тот факт, что режим содержания и обеспечения пленных в лагерях, их судебное преследование и попытки политической индоктринации, репатриация и трудоустройство, проблема выявления и охраны воинских кладбищ стали основными лейтмотивами историописания плена. В своей совокупности исследования проблем советского плена 1940–1950-х гг. с удовлетворительной убедительностью доказали, что, пребывание иностранных граждан в СССР в годы Второй мировой войны и непосредственно после нее представляло собой сложную и противоречивую картину, фрагменты которой сочленялись в соответствии с определенной внутренней логикой — отношением Советского государства к оказавшимся в его власти вражеским военнослужащим и изменениями,

которое это отношение время от времени претерпевало в силу смещения актуальных политических приоритетов.

Позиционирование комплекса многообразных институций военного плена Второй мировой войны как неотъемлемого фрагмента исторического процесса стимулировало исследовательский интерес к аналогичным сюжетам прошлого. Новое звучание в последнее время получила тема военнопленных Первой мировой войны, освоенная советскими историками лишь с одной стороны⁵. Представления советской историографии о роли пленных иностранцев в революционном движении в России, изрядно «заболоченные» атаквистическими идеологизмами, при этом не только подверглись серьезной корректировке. Анализ комплекса новейших исследований проблемы показал, что реконструированные историками терминальные и инструментальные основы русского плена Первой мировой войны во многом были отражением системного кризиса Российской империи, непростые следствия которого, безусловно, повлияли на судьбы пленных после октябрьских событий 1917 г.⁶ Однако нельзя не заметить, что доктринальные и процессуальные отличия русского и советского плена Первой мировой войны еще не стали центральной темой специальных исследований, что не позволяет хотя бы в общих чертах установить степень преемственности опыта дореволюционной России и России Советской в вопросе обращения с вражескими военнослужащими. На решение этой задачи в большей или меньшей мере сориентированы работы об участии жертв советско-польского военного столкновения 1919–1920-х гг., выделившиеся по ходу изучения истории плена Первой мировой войны в автономный тематический блок. Значимость публикаций И. Костюшко, И. Михутиной, Н. Райского, К. Федоровича, М. Пащины и других авторов трудно переоценить, поскольку они не просто закрывают брешь в российской историографии, но и обеспечивают по-настоящему последовательное изучение государственной политики в отношении жертв войны⁷. Ключом к целостному восприятию этого процесса, как правило, считается решение вопроса о влиянии Первой мировой войны на Вторую мировую. Но степень аналогичности практики решения участи пленных иностранцев в начале и в середине XX столетия, безусловно, будет более понятна и очевидна с учетом промежуточного опыта. Остается только пожалеть, что обращение к теме советского и польского плена оказалось в центре не только научной дискуссии, но и стало причиной для ожесточенных споров вокруг феномена Катыни и «Антикатыни» («Контр-Катыни») в патриотических и квазипатриотических кругах России и Польши⁸.

Достижением последних лет без преувеличения можно назвать работы, посвященные пребыванию в России французских военнопленных Отечественной войны 1812 г. Для советской историографии данной те-

матики практически не существовало, а весьма солидная по фактологии и аналитике статья В.Г. Сироткина «Судьба французских солдат в России после 1812 г.», изданная в 1974 г., явилась тем самым исключением, которое подтверждало общее правило⁹ С публикацией в 1987 г. в журнале «Нева» небольшой очерковой работы М. Любавина, посвященной пленным 1812 г., перелома в изучении темы тоже не наступило¹⁰ Он наметился несколько позже и во многом — благодаря работам В.А. Бессонова и В.П. Тотфалушина¹¹, которые в некоторой степени стали продолжением дореволюционной традиции в интерпретации русского плена Отечественной войны 1812 г.¹² Труды этих авторов отличаются не только завидной фундированностью, но, по сути, являются претензией на комплексное решение данной тематики в ближайшей перспективе. Так, в работах В.А. Бессонова общие закономерности положения солдат Великой армии в России трактуются через анализ вариативности действий центральных и местных, военных и гражданских властей, то есть посредством усмотрения в реалиях плена и типичного, и уникального. В том же русле следует рассматривать и изыскания других исследователей¹³, сориентированные на сегментирование темы плена, что едва ли было характерно для «мужской» и потому сугубо героической истории Отечественной войны 1812 г., написанной ранее¹⁴

Свое место среди проблем военного плена нашла и история так называемых «каролинов», оказавшихся в России в начале XVIII столетия¹⁵ Судьбы шведских военнопленных Северной войны тем более интересны, что их изучение позволяет с иной стороны взглянуть на социокультурную политику Петра I, правление которого, как известно, стало для России эпохальным с любой точки зрения. Удачным в этом отношении экскурсом в прошлое страны стала монография Г.В. Шебалдиной¹⁶, где, несмотря на преобладание сибирских сюжетов плена, воссоздана и его общая логика. При этом автором по-новому решается вопрос о соотношении ограничений и допущений, действовавших в отношении пленных, то есть о возможностях их социальной мобильности, о мотивах, масштабах и специфике привлечения пленных европейцев на русскую службу, о роли субъективного фактора в судьбах шведских солдат и офицеров. Цивилизаторская миссия пленных, якобы отведенная им самим Петром, по мнению Г.В. Шебалдиной, не носила спланированного характера, а предопределялась самим фактом наличия принципиальных культурных различий между странами-участницами Северной войны.

В последнее время среди исследований военного плена появились и весьма неожиданные своей предметной конкретностью работы. Еще недавно было сложно даже спрогнозировать интерес отечественных историков к теме египетских, турецких или японских военнопленных¹⁷ Сегодня можно уверенно констатировать, что качественное своеобразие

военнопленных как объекта исследования, его трансформации и модификации, обусловленные далеко не мирной историей России, были фактически бесконечными. В этом смысле российский и советский плен и его институты составляют не просто некую динамику конкретно-исторических явлений. Сам по себе военный плен является универсальным институтом, что и демонстрирует весь комплекс перманентно умножающихся специальных исследований. Кроме того, его анализ обнаруживает механизмы универсализации военного плена параллельно с раскрытием особенностей категоризации и объективации этого исторического феномена на разных ступенях развития общества.

Институциональный дизайн и российского, и советского плена, действительно, был разным. Однако как сегмент универсального опыта человечества в сфере межстрановых коммуникаций военный плен в России и СССР, как показывают разнообразные прикладные наработки, всегда имел полифункциональный характер. Режимная, экономическая и манипулятивная (политико-идеологическая) составляющие военного плена более или менее обозначились еще до их признания — как явного, так и интуитивно заложенного в тех или иных документах позитивного права — на интернациональном уровне. Свойства универсальности и полифункциональности военного плена реализовывались посредством ограничения свободы передвижения пленников, вовлечения их в трудовые процессы и пропаганды среди них широко разманифестированных ценностно-нормативных ориентиров той или иной эпохи. Даже возникавшие с каждым новым военным конфликтом ситуативные отличия в практике плена наслаивались на уже накопленный в этой области опыт, транскрибируя и инструментализируя его в соответствии с условиями исторического момента.

Логика типизации несимметричных с точки зрения хронологических рамок, а потому, казалось бы, несопоставимых конкретно-исторических исследований темы отнюдь не является препятствием на пути выявления специфики администрирования, удержания и содержания иностранных военнопленных, а также особенностей их трудоустройства в России и СССР. Рассмотрение историографических источников в модусе единого показывает, что внушительность территориальных пределов страны не предполагала идентичности и унификации средств и методик решения задач, вытекающих из нормативного понимания плена, даже в рамках непродолжительного временного отрезка. Государственная политика в ее региональном преломлении обретала черты некоего плавающего курса, кажущаяся нестабильность которого на самом деле была ничем иным, как выработкой оптимальной модели плена для местных условий. Именно множественность пространственного контекста предопределила «провинциализацию» научного поиска, а очевидное доминирование в историографии военного плена регионально ориенти-

рованных изысканий, в свою очередь, успешно воспрепятствовало схематизации исторических реалий, одновременно и конкретизируя, и концептуализируя наиболее дискуссионные аспекты темы.

Кроме всего прочего, интегрирующим фактором для современной историографии военного плена является ее приверженность системно-структурному подходу, в границах которого плен исследуется как сложная, меняющаяся во времени и пространстве система во взаимосвязи с другими сложными системами — международными отношениями своего времени, политикой государства в отношении военнопленных, принявшей на региональном уровне специфические очертания и формы, составляющие в свою очередь еще одну сложную систему. Выбор традиционной методологии проявился в результатах научного поиска, которые в общем и целом свелись к проблематизации преимущественно политической истории военного плена. Как история «сверху» она превратила пленных иностранцев в молчаливых свидетелей, предполагая их объектность и вторичность по отношению к системе, заложниками которой они стали, и тем самым дезавуируя социокультурные составляющие и означающие военного плена¹⁸ Даже если согласиться с тем, что для отечественных исследователей история военного плена в России и СССР всегда будет оставаться главным образом историей «про нас», а не «про них», следует признать, что и актуальные тенденции развития гуманитаристики, и все более углубляющаяся специализация ретроспективной тематики рано или поздно приведут к расширению горизонтов познания. Гуманизация плена, его рассмотрение с позиций социализации и последующей ресоциализации военнопленных иностранцев позволит лучше понять источники этноцентризма и приобрести новые взгляды на природу культурного многообразия, а, следовательно, глубже разобраться в превращениях идентификации советского и самоидентификации российского общества вчера и сегодня.

¹ Библиографию темы см. в кн.: *Конасов В. Б., Кузьминых А. Л.* Немские военнопленные в СССР: историография, библиография, понятийный аппарат. Вологда, 2002. С. 101–167; *Суржикова Н. В.* Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942–1956 гг.). Екатеринбург, 2006. С. 287–345.

Галицкий В. П. Вражеские военнопленные в СССР (1941–1945 гг.) // Военно-исторический журнал. 1990. № 9; *Он же.* Проблема военнопленных и отношение к ней Советского государства // Советское государство и право. 1990. № 4; *Он же.* Социально-психологические аспекты межгрупповых отношений в условиях военного плена // Социологические исследования. 1991. № 10; *Он же.* Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.) М., 1997; и др.

³ Помимо огромного ряда работ о военнопленных немцах это еще и такие исследования, как: *Галицкий В. П.* А действительно, куда исчезли 20 000 американцев? // Военно-исторический журнал. 1991. № 8; *Он же.* Венгерские военнопленные в СССР // Военно-исторический журнал. 1991. № 10; *Конасов В., Кузьминых А., Старостин С.* Финские

- военнопленные на европейском Севере. Вологда, 2003; *Конасов В.Б., Терещук А.В.* Люксембуржцы в советском плену // *Новый часовой*. 1997. № 5; *Кузнецов С.И.* Французские военнопленные периода Второй мировой войны в СССР // *Иностранцы в России: интернирование, плен, ссылка*. Иркутск, 1994; *Райский Н.С.* Вторая мировая война и судьбы польских военнопленных // *Отечественная история*. 1995. № 4; *Рыбалкин Ю.* Шведские летчики в советском плену (Советско-финская война 1939–1940 гг.) // *Родина*. 1998. № 7; *Он же.* Испанские военнопленные Второй мировой войны в СССР // *Проблемы военного плена: история и современность...* Ч.2; и др.
- ⁴ См. об этом: *Базаров О.Д.* «Сибирское интернирование»: японские военнопленные в Бурятии (1945–1948 гг.). Улан-Удэ, 1997; *Бондаренко Е.Ю.* Японские военнопленные на Дальнем Востоке России в послевоенные годы. Владивосток, 1997; *Катасонова Е.Л.* Японские военнопленные в СССР: большая игра великих держав. М., 2003; *Кузнецов С.И.* Японцы в сибирском плену (1945–1956 гг.). Иркутск, 1997; *Кузьмина М.А.* Плен: Японские военнопленные в Хабаровском крае. Комсомольск-на-Амуре, 1996; *Спиридонов М.Н.* Японские военнопленные в Красноярском крае (1945–1948 гг.): проблемы размещения, содержания и трудового использования. Красноярск, 2001; и др.
- ⁵ Имеются в виду исследования типа: Венгерские военнопленные в борьбе за власть Советов в Омске: Сб. Омск, 1958; *Гирченко Вл. П.* Революционная деятельность иностранных интернационалистов-военнопленных в Восточной Сибири. Верхнеудинск, 1933; *Данилов В.А.* Великий Октябрь и иностранные военнопленные на Урале и в Сибири // *Ученые зап. Сverdл. и Тюмен. пед. ин-тов*. Сб. 151: Исторический. Вып. 3(8). Свердловск, 1970; *Интернационалисты: Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов*. М., 1967; *Интернационалисты в боях за власть Советов*. М., 1965; *Колмогоров Н.С.* Красные мадьяры. Новосибирск, 1970; *Манусевич А.Я.* Польские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России. Февраль — октябрь 1917. М., 1965; *Попов Н.А.* Революционные выступления военнопленных в России в годы Первой мировой войны // *Вопросы истории*. 1963. № 2; *Хильченко М.* Интернационалисты на Урале в период Великой Октябрьской социалистической революции // *Осуществление принципов пролетарского интернационализма в процессе социалистической революции*. Свердловск, 1974; и др.
- ⁶ *Бондаренко Е.Ю.* Иностранцы военнопленные на Дальнем Востоке России (1914–1956). Владивосток, 2002; *Васильева С.Н.* Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: Учеб. пособие к спецкурсу. М., 1999; *Греков Н.В.* Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917) // *Немцы. Россия. Сибирь: Сб. статей*. Омск, 1997; *Иванов Ю.А.* Военнопленные Первой мировой в российской провинции // *Отечественные архивы*. 2000. № 2; *Иконникова Т.Я.* Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914–1918 гг.). Хабаровск, 2004; *Люкшин Д.* Да за нашими бабами вьются: Военнопленные в крестьянской России // *Родина*. 2002. № 10; *Полторак С.Н.* "Красная" и "Белая" Россия: два взгляда на проблему российского гражданства бывших военнопленных Первой мировой войны // *Новый часовой*. СПб., 1996. № 4; *Солнцева С.А.* Военный плен в годы Первой мировой войны (новые факты) // *Вопросы истории*. 2000. № 4–5; *Суржикова Н.В.* Организация труда военнопленных на Урале в 1914–1917 гг.: поиски и решения // *Проблемы российской истории*. Вып. VI. М.–Магнитогорск, 2006; *Щеров И.П.* Центропленбеж в России: история создания и деятельности в 1918–1922 гг. Смоленск, 2000; и мн. др.
- ⁷ *Костюшко И.И.* К вопросу о польских военнопленных 1920 года // *Славяноведение*. 2000. № 3; *Он же.* Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР (1919–1922 годы): Док. и материалы М., 2004; *Пащина М.В.* Верхотурский концентрационный лагерь № 3 // *Урал индустриальный*. Бакунинские чтения. Материалы VI Всерос. науч.

- конф. Екатеринбург, 2004. Т.2; *Райский Н.С.* Польско-советская война 1919–1920 годов и судьба военнопленных, интернированных, заложников и бсженцев. М., 1999; *Федорович К.* Различия в восприятии польско-русской истории на примере судьбы русских военнопленных, интернированных в Польше в 1919–1924 // Балтийские исследования. Национальные и религиозные исследования в Балтийском регионе: Сб. науч. тр. Вып.2. Калининград, 2004; и др.
- ⁸ Ее проявлением стали публикации в «Военно-историческом журнале», журналах «Новая и новейшая истории» и «Новая Польша», а также «Независимой газете».
- ⁹ *Сироткин В.Г.* Судьба французских солдат в России после 1812 г. // Вопросы истории. 1974. № 3.
- ¹⁰ Любавин М. Пленные 12-го года // Нева. 1987. №9.
- ¹¹ *Бессонов В.А.* Военнопленные Великой армии в России в 1912 году (обзор отечественной историографии) // Отечественная война 1812 года и русское общество; *Он же.* Перевертыши: Полицейский надзор за пленными 1812 года // Родина. 2002. № 8; *Он же.* Потери Великой армии в Отечественной войне 1812 года (к вопросу определения численности военнопленных) // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. М., 2002; *Он же.* Не считая шаромыжников // Родина. 2002. № 8; *Он же.* Нормативные документы, определявшие содержание военнопленных в Российской империи в 1812 г. // Отечественная война 1812 г.: источники, памятники, проблемы. Бородино, 1999; *Он же.* Содержание военнопленных Великой армии в 1813–1814 гг. // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2000; *Бессонов В.А., Тотфалушин В.П.* Военнопленные Великой армии в Саратовской губернии // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 года: Материалы Всерос. науч. конф. Саратов, 2002; *Тотфалушин В.П.* Мемуары военнопленных «12-го года» как источник по истории Саратовского края // Краеведы и краеведение Поволжья в контексте общественного развития региона: история и современность: Материалы X межрегиональных краеведческих чт. Саратов, 2003; *Он же.* Французы в Саратове. К истории войны 1812 г. // Годы и люди. Саратов, 1992. Вып.6; *Он же.* Эпизод из жизни французских военнопленных в Саратове // Военно-исторические исследования в Поволжье. Саратов, 1998. Вып.3. Ч.1; и др.
- ¹² *Апухтин В.Р.* Формирование легионов из пленных французов, итальянцев и голландцев в Орле в 1812–1813 гг. М., 1913; Голубцов Н.А. 1812 г. в Архангельской губернии. Архангельск, 1912; *Кашин А.* Материалы для истории Пермского края: Соликамск в 1812 г. и пленные французы. Пермь, 1912; Отечественная война и русское общество. 1812–1912. М., 1912; *Слепцов А.Т.* Переписка по делам военнопленных. Тамбов, 1914; *Хованский Н.Ф.* Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 г. Саратов, 1912; и др.
- ¹³ *Балюнова Е.А.* О военнопленных Великой армии в Тобольской губернии (1813–1814 гг.) // «Aus Sibirien – 2006»: научно-информационный сб. Тюмень, 2006; *Белюсова С.В.* Конвоирование военнопленных армии Наполеона в Поволжье // Вестн. Самарского госуниверситета. 2005. № 4(38); *Иванов К.В.* Система финансирования военнопленных 1812–1814 гг. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 1997; *Миловидов Б.П.* Военнопленные наполеоновской армии в Псковской губернии в июле — октябре 1812 г. // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 года: Материалы Всерос. науч. конф. Саратов, 2002; *Он же.* Военнопленные наполеоновской армии в России // Феодалная Россия: Новые исследования. СПб., 1998. Вып. 2; *Попов А.И.* Мемуары наполеоновских военнопленных как исторический источник // Отечественная война 1812 года и русское общество; *Потрашков С.В.* Военнопленные Великой армии в Слободско-Украинской губернии // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 1999;

Тихомиров С.А. Отношение российских властей к иностранным военнопленным наполеоновской эпохи // Проблемы военного плена... Ч. 1; *Шмидт В.* Судьба баварских военнопленных в России в 1812–1814 гг. // 185 лет Отечественной войне 1812 года. Самара, 1997; и др.

¹⁴ Под словом «ранее» мы имеем в виду немногочисленные в советском историописании попытки коснуться темы плена по ходу изучения других сюжетов Отечественной войны 1812 г.: *Стрельский В.И.* Сибирь в Отечественной войне 1812 г. Омск, 1942; *Матвиевский П.Е.* Оренбургский край в Отечественной войне 1812 г. Оренбург, 1962; *Троицкий Н.А.* 1812. Великий год России. М., 1988; и др.

¹⁵ См. об этом: *Акишин М.* Пленные шведы и дьявол // Родина. 1994. № 2; *Андреева Е.А.* Неизвестный документ о судьбе армии Карла XII после Полтавы // Петр Великий и его время. Материалы Всероссийской научной конференции, посвящённой 290-летию Полтавской победы 8-11 июля 1999 г. СПб., 1999; *Долгова С.Р.* Шведские пленные в Москве 1700–1709 гг. // Шведы в Москве: Мат-лы Междунар. науч. конф. М., 2002; *Черказьянова И.В.* Школа шведских пленных в Тобольске: опыт взаимодействия немецкой и русской культуры начала XVIII в. // Немцы на Урале и в Сибири. Материалы науч. конф. Екатеринбург, 2001; *Шебалдина Г.В.* Московские перекрестки полтавских пленников // Шведы в Москве: Мат-лы Междунар. науч. конф. М., 2002; *Юркин И.Н.* Шведские военнопленные в 1711–1726 гг. (по региональным материалам) // От Нарвы к Ништадту: Петровская Россия в годы Северной войны 1700–1721 гг. Сб. мат-лов Всерос. науч. конф., посв. 280-летию со дня заключения Ништадтского мира. СПб., 2001; и др.

¹⁶ *Шебалдина Г.В.* Шведские военнопленные в Сибири. Первая четверть XVIII века. М., 2005.

¹⁷ *Беляков В.В.* Пленные египтяне в России в конце XIX века // Геомилитаризм. Геополитика. Безопасность: Альманах. 2005. № 9; *Он же.* Свои среди чужих. Пленные турки в России в 1877–1880 гг. // Восточный Архив. 1998. № 13; *Иконникова Т.Я.* Обмен военнопленными после завершения русско-японской войны 1904–1905 гг. // Вопросы истории Дальнего Востока. Вып. 3(8). Ч. 1; и др.

¹⁸ С некоторыми оговорками счастливыми исключениями из этого правила можно считать работы: *Лиценбергер О.А.* Военные и военнопленные протестанты и их роль в формировании евангелическо-лютеранской церкви в России (XVI–начало XX вв.) // Военно-исторические исследования в Поволжье. Вып. 6. Саратов, 2004; *Новикова И.Н.* «Россия — страна контрастов, и нигде это свойство не проявляется так ясно, как в плену...» // Военно-исторический журнал. 2006. № 2; *Поршнева О.С., Долинова М.В.* Повседневность плена: иностранные военнопленные Второй мировой войны в Нижнем Тагиле (1943–1949 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. 2003. № 2; *Суржикова Н.В.* Русские языковые вкрапления в речи немецкоговорящих военнопленных Второй мировой войны // «Aus Sibirien-2005»: научно-информационный сб. Тюмень, 2005.